

РЫЖИК

ЭЗЕКИЕЛ МПАХЕЛЕ

БЕЗБРЕЖНОЕ людское море затопило улицу у здания «Метрополитен стил лимитед». Все взоры были прикованы к заводским воротам. Говорили вяло, будто нехотя — все и так ясно, без слов. Они бастуют. Это их дело. И лучше не подступаться с расспросами, чего, мол, добиваетесь. «Ты что думаешь, мы в игрушки играем?» — сплюнут и отвернутся.

Перепаханные сажей и маслом, потные черные тела... Люди толкались, горячились, нервничали. Их сдерживали пикеты; полицейские помахиwały дубинками; бешено гудели автомобили.

— Назад, ослы! — закричал черный парень, прижатый к фонарному столбу. — Назад, курицы-ные дети!

Девчушка, торговавшая кофе и оладьями в маленьком фургоне, совсем потеряла голову. Она впервые видела забастовку. Но ее одолевали покупатели, и не было времени как следует поразмыслить над происходящим. Она не заметила, как разбухшая толпа придвинулась вплотную к фургончику, и очнулась, лишь когда рядом раздался оглушительный треск. Точно такой же домок на колесах перевернулся, захлестнутый людским напором. Девчушка спрыгнула на землю — точно потревоженная птичка выпорхнула из гнезда.

Из толпы донесся женский крик. И снова треск. Но тут придавленному к столбу парню удалось освободиться, и он оказался рядом с девчушкой. Он сразу понял, что она попала в беду. Довольно бесцеремонно он вытолкнул ее в проулок, а сам впрягся в фургончик и, покрикивая: «Дорогу, мартышки!», перекатил его на другую

Эзекиел Мпахеле — виднейший южноафриканский прозаик, критик и публицист, родился в 1919 году в трущобных кварталах Претории. Лишь тринадцать лет от роду он впервые переступил порог школы. Его мать-прачка выбивалась из сил, чтобы прокормить детей и дать им образование.

Преодолев все трудности, Мпахеле окончил среднюю школу и педагогический колледж. Работал учителем, но был уволен за несогласие с расистской политикой в области просвещения. Редактировал выходивший в Йоганнесбурге журнал прогрессивной творческой интеллигенции «Драм». В 1958 году вынужден был покинуть Южную Африку.

Мпахеле — автор нескольких сборников рассказов, автобиографического романа «Вниз по второй авеню», публицистической книги «Африканский образ».

сторону мостовой. И тут же еще один киоск разлетелся словно спичечный коробок.

— О, большое вам спасибо, мистер!

— В другой раз не зевай, сестричка!

— Как мне вас благодарить? Вот хоть кофе выпейте с оладьями!

— Спасибо, сестричка.

— Смотрите, они пошли к воротам, неужто ломиться станут?..

Когда она снова повернулась к парню, того уже и след простыл. «Ах как нехорошо получилось, даже имени его не спросила», — вздохнула девчушка.

Прошло время, и по-зимнему холодная улица опустела. Рабочие ушли, так ничего и не добившись. Бастовать черным запрещено законом: в два счета можно угодить в тюрьму.

— Возвращайтесь на работу, пока не поздно! Не то уволим — и за решетку! — гласил хозяйский приказ. И действительно, больше половины бастующих получили расчет.

Вновь все стало по-прежнему на грязных улочках Вест-Энда. Люди вернулись к своим обычным делам. В воздухе повисла рыхлая мгlistая дымка, мрачно попыхивали закопченные трубы, запахло жареной свиной грудинкой, открылись овощные и фруктовые лавки, и старики, точно бронзовые будды, скрестив на груди руки, замерли на порогах с выражением безразличной отрешенности на лице. Эти старики презирают весь род людской, и в первую голову конкурентов — таких же, как они, торговцев. «И как только земля носит всю эту мразь!» — недоумевают про себя почтенные старцы.

* * *

— Привет!

— Привет! Вам кофе?

— Да, и пару булочек с пылу, с жару!

Подавая еду, она не узнала посетителя. Глаза рассеянно скользнули по его лицу. Но постепенно мелкие осколки памяти стали складываться в одну картину. Девчушка подняла голову и встретила с ним взором.

— Ох! — вскрикнула она и прикрыла рот ладошкой. — Вы тот добрый дяденька, который меня спас!

— Какой я тебе дяденька? У меня имя есть: Рубен Лемеко! Тебя-то как звать?

— Зодуа.

Он перевел взгляд с нежных пальчиков, перемывавших стаканы, на вытертый мужской свитер, легонькое платьице и худое личико цвета спелого персика, сиявшее ему улыбкой из-под черного засаленного берета.

Пока он уплетал оладьи, она украдкой разглядывала его. Что-то плутовское было в его влажных раскосых глазах. Но сутулые плечи придавали его облику смиренность. И все же он совсем не похож был на добряка. Девчушке он и нравился, и в то же время внушал страх. Она знала таких людей — они лишь с виду хороши, а подойдешь поближе — все очарование исчезает. Ну прямо как восковые фигуры, что стоят в музее...

— Уволили вас с «Метрополитена»?

— Угу! — Он понурился, и она почувствовала, как он расстроен, хотя лица ей не было видно, только замасленный верх кепки. — Сегодня выдали расчет.

Ей стало жалко его. Никогда раньше она не испытывала такого чувства к чужим людям.

— Что будете теперь делать?
— То же, что и другие. — Он глядел ей прямо в глаза. — Шляться по улицам. С утра пораньше, пока босс еще пережевывает завтрак. Работы нет, документов нет — выставят меня из города, как пить дать...

— Другим сейчас тоже не сладко.

— Угу.

— Знаете, если проголодаетесь, а денег не будет, обязательно приходите. Кофе с оладьями всегда для вас найдется.

— Спасибо. Можно, я буду звать тебя Рыжик?

— Угу, — машинально кивнула девушка.

Он пожал ей руку.

— За свою доброту вырасти большая-большая, как слониха! — пожелал он ей на прощание и тяжело зашагал прочь.

Пока он не скрылся из виду, она не спускала глаз с его сутулой спины. «Чудной какой-то», — рассеянно думала девушка, снова принявшись за мытье посуды.

* * *

Парень стал частенько приходить к фургончику Рыжика. Но от бесплатного угощения отказывался.

— Я не беднее тебя. Вот вылечу в трубу, тогда не постесняюсь, попрошу подмоги.

Она привыкла к нему, ждала его прихода, искренне его жалела. Он чувствовал это и негодовал, ибо про себя тоже жалел ее.

— Ладно, Рыжик. Сегодня ты меня угощаешь.

— В этом дрянном городе недолго с голоду помереть.

— Ну и что! Не я первый, не я последний. В городе полно таких, как мы с тобой. Заболеем мы или умрем — никому до нас нет дела.

Она грустила, когда он не приходил. Ей делалось страшно. Вот так неожиданно между людьми возникает что-то, и теряешь покой, и простых приятельских отношений тебе уже мало...

Когда он был рядом, она пыталась спрятаться от надвигавшегося чувства, уговаривая себя, что испытывает к нему лишь безыскусное сестринское сострадание. Он злился, но помалкивал, хотя внутри все колокотало, небо с грохотом обрушивалось на землю, тучи закрывали солнце, лед и пламя клялись друг другу в верности; плач и смех сплетались в судорожных объятьях; черти прогуливались под руку с ангелами. Рыжик и Рубен страшились неотвратимой любви, цепенели от ужаса перед нею.

— Рыжик, я наконец нашел работу.

— Поздравляю!

— На первые деньги куплю тебе подарок... Эх, зря я тебе сказал, был бы сюрприз. — Он и впрямь жалел, что проговорился.

— Не горюй, Рубен. Я притворюсь, будто ничего не знала, вот увидишь! — Оба рассмеялись.

Настала пятница.

— Пойдем-ка, Рыжик, со мной.

— Куда?

— Иди, не спрашивай! — И он повел ее к тележке мелочного торговца на другой конец улицы.

— Выбирай сама, что тебе по вкусу!

Продавец вскочил на ноги и, не жалея слов, принялся нахваливать товар.

— Ладно, ладно, мистер. Дайте мне самой посмотреть.

Рыжик брала в руки то одну, то другую безделушку. В конце концов она выбрала длинную

Пословицы туарегов

Сосуд, из которого пьешь, не разбивай.

*

Рана, причиненная железом, зарубцуется, рана, причиненная словом, не заживет.

*

Учить молодого —
значит оставить след на камне,
учить старого — оставить след на песке.

*

Если добрый человек причинил тебе зло,
отплати ему добром —
это лучшее средство заставить его покраснеть.

*

Женщина без стыда — все равно,
что суп без соли.

*

Сосед лучше далекого брата.

булавку, брошь и пару дешевых браслетиков. Найду — так звали продавца — рассыпался в комплиментах, когда Рубен сам нацепил Рыжику брошку и воткнул булавку ей в берет. Себе Рубен купил нож на модной цепочке.

С того дня Найду стал частым гостем в фургончике Рыжика. Ему очень нравились оладьи и кофе. Рубен дважды заставлял их вдвоем во время обеденного перерыва. Рыжик покатывалась со смеху, слушая разные разности, которые рассказывал торговец.

— А где вы работаете, мой друг? — однажды спросил Рубена Найду. Очень смешно он выражался, этот индеец.

— Обувная фабрика на Мейн-стрит.

— Хорошо вам платят?

— Да когда в этом городе хорошо платили?

— Что верно, то верно. Взять хоть меня: хотел открыть бакалейный магазин, а вот торгую на улице всяким хламом.

Однажды Рубен пришел к Рыжику веселый и радостный.

— Ну и проголодался же я!

— На тебя любо посмотреть. Хорошие новости?

— Да нет. Разве просто так не может быть у человека хорошее настроение?

— Конечно. Только я подумала: может, случилось что?

Взгляд его упал на прозрачные розовые пальчики, полоскавшие посуду.

— Э, да у тебя новое колечко!

Рыжик вытерла насухо усыпанное стеклышками кольцо, потрогала его, улыбнулась.

— Это мне Найду принес.

— Что?

— Успокойся. Ему нечем было заплатить за еду, вот он и предложил мне кольцо вместо денег. — Она говорила с запинкой, словно сама не верила своим словам.

Он насупился.

— Ты врешь!

— Честное слово! Зачем мне врать?

«Ну вот, — подумал он, — ей даже соврать лень ради нашей дружбы!» Ярость застилала глаза.

— Ясно, врешь! Ты влюбилась в этого торговца. Думаешь, я не вижу, как тебе с ним весело, как он тебе подмигивает за моей спиной! — Он подошел к ней вплотную и продолжал: — Послушай! С первого дня я в тебя влюбился. Со стачки. — Он собирался сказать еще что-то, но у него перехватило горло, и он не мог выдать ни звука. Медленно поднялась рука, зловеще блеснул нож. Рыжик забила в угол. Бедняжка была так напугана, что слова не могла вымолвить в свое оправдание.

Как отвратительна мужская ревность! Страшен острый нож, но еще страшнее дикие, остановившиеся глаза. Прижавшись к стене, она наконец открыла рот.

— Видно, тебе не привыкать пускать в дело ножик. Так что ж, убей меня! Я не стану кричать, не стану звать на помощь. Делай что хочешь.

Она часто дышала, как загнанная мышка. А Рубена внезапно покинули силы. Что вдруг стряслось? Ведь он уже двух парней уложил до этого. Правда, было это в драке, а девчушка совсем беззащитна. Жарко застучало в висках. Что с ним? Что? Что?.. Нож выпал из дрожащей руки. Рубен опустился на стул, бессильно приложив голову к стене.

Потом он встал и, не смея взглянуть на нее, буркнул:

— Прости, Рыжик. Умоляю, забудь то, что сегодня было.

Она недоуменно смотрела на него.

— Ну скажи, что ты простила меня.

Она два раза кивнула. А потом стала собираться домой, хотя закрывать было еще рано.

На другой день и на следующий Рубен не приходил. Он никак не мог набраться храбрости. Мысли спутались, как клубок колючей проволоки. Надо все же повидаться с ней... Он молча подойдет к ней и обнимет; ничего не скажет, только прижмет крепче. Она поймет, что вовсе он не страшный...

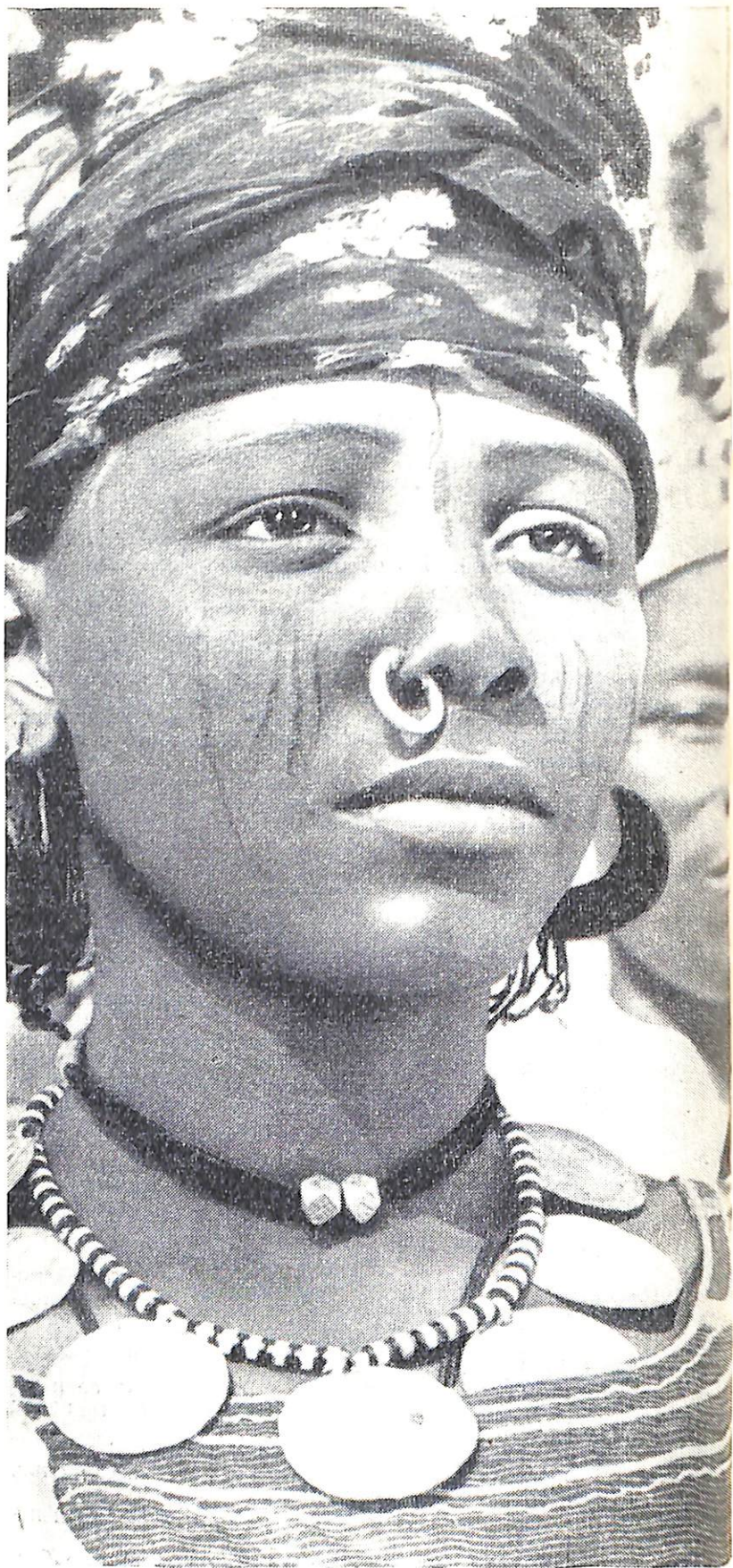
* * *

А на третье утро нагрянула полиция. Они шли вдоль мостовой гусиным шагом. Стучали кованые каблуки, высекая зловещее эхо. Полиция распорядилась, полиция живо навела порядок. «Немедленно закрыть фургоны, где черные пьют кофе. Они портят вид улицы», — решили отцы города.

Когда Рубен наконец осмелился пойти к Рыжику, он увидел, что фургончик пуст. Он пришел снова — та же картина. Потом он узнал от Найдю, что произошло.

Тогда он забрался в фургончик и присел на стул. Серая пелена застлала глаза. А за окном жизнь продолжалась, словно и не было никогда девчушки, торговавшей кофе и оладьями.

Можно ли надеяться, что они когда-нибудь увидятся вновь? Или все, что было, ему приснилось?

2

Вчера и сегодня рядом

ФОТОРЕПОРТАЖ

1. Республика Чад. Местная модница.

Фото ТАСС

2. Женщины Африки — за мир и прогресс.

3. Касабланка: чадра и небоскребы.

Фото ТАСС

4. Чад. Участницы демонстрации в Форт-Лами по случаю годовщины независимости республики.

Фото ТАСС

3

4